

О том, что он опять умудрился как-то «набедокурить» в сети, Фан Дунсуй узнал, лишь когда блаженно растянулся на просторной отельной кровати после горячего душа.

Ночных сцен сегодня не планировалось, так что съемочная группа освободилась рано — уже к семи часам вечера работа свернулась. Отель, перестроенный из загородного пансионата, притаился в живописной долине, всего в двадцати минутах езды от съемочной площадки в горах. Вокруг него тесной стеной смыкался густой заповедный лес, а прямо перед фасадом раскинулось тихое чистое озеро, дарившее этому месту удивительное ощущение умиротворения и покоя.

Все приезжавшие на съемки в Шуши актеры предпочитали останавливаться именно здесь.

Следуя строгим наставлениям отца, Фан Дунсуй загодя забронировал здесь одноместный люкс. Поначалу сотрудники съемочной группы удивились: с чего бы новичку оплачивать жилье самому, да еще и требовать полной изоляции? Но лишних вопросов задавать не стали — видимо, сказалось предупреждение режиссера Сюя.

Сидя на мягкой постели, Фан Дунсуй лениво просматривал ленту Вейбо и наткнулся на бурные обсуждения. Утверждения о том, что он якобы отобрал роль у Ся Аня, вызвали у него лишь недоуменную улыбку.

Если бы не сегодняшние сплетни, он бы и не узнал, что Ся Ань тоже пробовался в «Яцзы», да еще и на роль Пин Чжу. Фантазии интернет-пользователей оставалось только позавидовать: связать воедино две абсолютно не связанные вещи — это надо уметь.

Впрочем, подобные вбросы в шоу-бизнесе обычно делятся на две категории: либо оплаченный конкурентами черный пиар, либо банальные выдумки кликбейтных пабликов ради дешевого хайпа. Логика в таких публикациях искать не стоило.

Дунсуй прекрасно помнил день проб: хоть его и рекомендовал дядюшка Чжу, роль он получил только после честного и строгого прослушивания.

К счастью, слухи о «краже роли» пока не набрали критических оборотов, лишь изредка мелькая в комментариях под шквалом новостей о Киноимператоре Е. Тратить на них силы Фан Дунсуй не собирался, поэтому просто отложил телефон, взял сценарий и принялся за работу.

Завтра им с Е Ваном предстояло сыграть первую совместную сцену повзрослевших Пин Чжу и Чжоу Я. Оставалось надеяться, что все пройдет без заминок.

Не успел Фан Дунсуй отложить сценарий и устроиться поудобнее, собираясь спать, как экран телефона засветился — отец вызывал его по видеосвязи.

Он приподнялся, накинул на плечи теплую хлопковую пижаму и, нажав кнопку приема, радостно улыбнулся:

— Папа!

Отец, вопреки обыкновению, спать еще и не думал — он преспокойно устроился на ковре посреди гостиной. Фан Дунсуй тут же заботливо заворчал:

— И почему мы не спим? Тебе же вредно засиживаться допоздна!

— Да ложусь я, ложусь, — легкомысленно пообещал Фан Цзяхуай, хотя сам в этот момент с аппетитом уплетал фруктовую нарезку. — Рассказывай лучше, как устроился? К первому съемочному дню привык? Никто тебя там не обижает? В горах под Шуши сейчас жуткий холод, смотри не подхвати простуду, а то сейчас ходит какой-то мерзкий вирус.

— Да кто меня обидит? — Фан Дунсуй гордо вскинул подбородок. — И не так уж здесь холодно, как ты думаешь. В гримерной вовсю греет отопление, так что условия у нас отличные.

Фан Цзяхуай удивленно приподнял брови и покачал головой:

— Надо же, даже отопление? Разве тебе как новичку не положено тесниться в общей гримерке с массовой? Какое поразительное великодушие со стороны продюсеров. Неужели у них во всех помещениях так тепло?

У Фан Дунсуя от этих слов перехватило дыхание, и он на мгновение растерялся. Парень запоздало вспомнил, что грелся-то он вообще-то в личной гримерной Киноимператора Е! Поспешно замяв скользкую тему, он невпопад поддакнул и сразу же перевел стрелки на родителя:

— Ты лучше за собой следи. Хватит оставлять всю работу на ночь, — Дунсуй прищурился и добавил с мягкой угрозой: — Я даже через экран вижу твои жуткие синяки под глазами...

Фан Цзяхуай ожидаемо попался на удочку. Он смущенно поскреб затылок и виновато улыбнулся:

— Ну, ночью муза охотнее приходит. Сам понимаешь, рисовать маньхуа без вдохновения — то еще мучение.

Выслушав этот неубедительный лепет, Дунсуй мысленно выдохнул, но вслух пощады давать не стал:

— От вечного недосыпа здоровье покатится к чертям. Если не исправишься, я все расскажу

дядюшке Чжу.

Он победно вскинул бровь, однако отец в ответ лишь беспечно пожал плечами.

«Ого, откуда вдруг столько смелости?» — удивился про себя Дунсуй.

Хитро прищурившись, он заговорщически протянул:

— Пап, а ты сегодня...

Договорить он не успел — из динамика донесся глубокий, добродушный мужской голос:

— Дунсуй, и что же ты там собираешься мне рассказать?

Фан Дунсуй на секунду опешил, но тут же расплылся в широкой улыбке, а его глаза радостно блеснули:

— Дядюшка Чжу! Вы вернулись?

Фан Цзяхуай слегка порозовел, недовольно буркнул под нос и навел камеру на сидевшего рядом мужчину. В кадр попало красивое, по-мужски элегантное лицо Чжу Цзючжи. Тот тепло помахал юноше:

— Здравствуй, Дунсуй. Прилетел сегодня в обед, но смогу побыть дома всего день — завтра на съемочной площадке меня уже ждут дела.

Едва дядюшка Чжу договорил, как за кадром раздался едва слышный, обиженный фырк. Дунсую даже не нужно было видеть отца, чтобы понять — тот сейчас сидит мрачнее тучи.

Все мгновенно поняв, Дунсуй заговорщически подмигнул дядюшке Чжу и весело протянул:

— Надо же, только приехали и уже уезжаете? Эх, бедный-несчастный мой одинокий отец...

Чжу Цзючжи в ответ лишь мягко, с нескрываемой нежностью посмотрел на сидевшего рядом Цзяхуая.

Ставший мишенью для подколов Фан Цзяхуай не выдержал. Он бесцеремонно пихнул Лао Чжу, вытесняя его из кадра, и сердито уставился в экран телефона:

— Совсем страх потерял? Ишь, зубоскалит он! Мал еще отца подкалывать, оболтус!

Дунсуй лишь добродушно рассмеялся. Видеть смущенного отца, который изо всех сил пытался казаться грозным, было безумно приятно. Следом он перекинулся еще парой слов с дядюшкой Чжу, чтобы искренне поблагодарить его за замолвленное перед режиссером Сюем словечко.

— Не смотри на то, что в жизни старина Сюй кажется добродушным, — напутствовал Чжу Цзючжи. — На площадке он строг до безумия. Для тебя это первая роль, так что если возникнут какие-то трудности, не держи все в себе. Не стесняйся подходить и спрашивать совета у режиссера.

Фан Дунсуй послушно кивнул:

— Да, дядюшка, я понимаю.

— И еще: он на дух не переносит заносчивых актеров. За тебя-то я спокоен, но на любых съемках хватает людей, которые думают не о роли, а о том, как бы повыгоднее пристроиться через постель или интриги. Твоя задача — просто хорошо делать свою работу. Даже если кто-то будет активно набиваться в друзья, не хватайся за это и не отвлекайся.

«А ведь дядюшка Чжу прав на все сто процентов», — подумал Дунсуй, вспомнив утренний инцидент со скользким коллегой.

Он согласно закивал и уже открыл было рот, чтобы ответить, как вдруг подал голос его отец:

— Лао Чжу, ну что ты его запугиваешь? Прямо рассадник порока какой-то нарисовал. Вот в мое время...

Чжу Цзючжи снисходительно усмехнулся:

— Сам ведь сказал — «в твоё время». Сейчас индустрия стала слишком поверхностной. Мало кто искренне радуется за качество картины, все ищут легкие пути и пытаются сорвать куш, приложив минимум усилий.

— Ишь, выискался знаток, — недовольно пробурчал Фан Цзяхуай.

— Я, в отличие от тебя, из этих экспедиций годами не вылезаю, так что знаю, о чем говорю.

Фан Цзяхуай лишь досадливо надулся, не найдя, что возразить.

Глядя на эти привычные препирательства, Фан Дунсуй тихонько посмеивался. Он не спешил вмешиваться, с удовольствием наблюдая за домашней сценой. Но веселое зрелище прервал негромкий трезвон дверного звонка.

Захватив телефон, парень поднялся с постели и направился к прихожей, на ходу спросив:

— Кто там?

Он уже почти подошел к двери, когда снаружи раздался ответ:

— Дунсуй, это Е Ван.

Этот ленивый, приглушенный дверью голос прозвучал удивительно мягко — глубокий, с легкой хрипотцой, он напоминал вкус дорогого шоколадного трюфеля, обсыпанного ароматным горьким какао. От неожиданности у Фан Дунсуя перехватило дыхание, а сердце мгновенно пустилось вскачь.

На том конце видеосвязи спорщики тоже мгновенно притихли. Отец с дядюшкой Чжу умолкли и в недоумении уставились на экран.

Застигнутый врасплох Дунсуй растерялся и машинально отозвался:

— Киноимператор Е...

Но тут же осекся и, прислонившись спиной к стене, замер в растерянности.

«Мы ведь толком не знакомы, но почему каждое наше столкновение выходит за рамки приличий? — лихорадочно соображал Дунсуй. — Перед старшим коллегой нужно держать лицо, быть вежливым и почтительным. Но ведь и сам старший коллега должен соблюдать границы!»

Любому человеку свойственно тянуться к прекрасному. Киноимператор Е казался воплощением элегантности, но под этой мягкостью угадывался сильный, волевой и амбициозный характер. Подобное сочетание обладало для Дунсуя непреодолимым магнетизмом. Парень судорожно сжался, пытаясь унять волнение. Воспоминания о том, как часто рядом с Е Ваном у него предательски алели щеки, отзывались в душе смесью досады и легкой грусти.

«Не хватало еще по-настоящему в него влюбиться, — обреченно подумал он. — А этот человек ведет себя так непринужденно... Пойди разберись, что у него на уме».

Придя к этой мысли, Дунсуй решительно кивнул сам себе, облизнул пересохшие губы и твердо произнес через дверь:

— Киноимператор Е, уже довольно поздно. Завтра тяжелый день, да и вы наверняка устали. Возвращайтесь к себе и хорошенько отдохните.

— Дунсуй?.. — в голосе Е Вана скользнуло явное недоумение. Он снова негромко постучал.

Дунсуй виновато улыбнулся и уже тише добавил:

— Я как раз собирался в душ, так что открывать сейчас совсем неловко. Если у вас какое-то дело, давайте обсудим его завтра на площадке, хорошо?

За дверью воцарилось молчание. Парень затаил дыхание, ловя малейший шорох, и лишь спустя долгие секунды услышал спокойный голос Е Вана:

— Хорошо. Тогда до завтра.

Дунсуй промолчал. Он стоял неподвижно, пока шаги в коридоре полностью не затихли, и только тогда облегченно выдохнул. Вернувшись к кровати, парень внезапно вспомнил про зажатый в руке телефон. Он бросил испуганный взгляд на экран, где все еще горел значок видеовызова, и почувствовал, как на голове зашевелились волосы.

На том конце провода отец уже вовсю примерял роль строгого следователя. Буравя сына подозрительным взглядом, он ледяным тоном спросил:

— Е Ван? И что это он забыл у тебя посреди ночи? Только не пытайся скормить мне сказку про совместный разбор сценария.

Дунсуй невольно занервничал, но, вовремя сообразив, что скрывать ему абсолютно нечего, расправил плечи и поспешил оправдаться, попутно лестно подлизываясь к родителю:

— Да, это действительно Киноимператор Е, но мы точно ничего не репетировали! Наверное... он просто решил проявить заботу из уважения к тебе. Ты же у меня фигура авторитетная!

Фан Цзяхуай на грубую лесть не купился и лишь скептически прищурился:

— Не дорос я еще до такой чести, чтобы ради меня Киноимператоры по номерам бегали.

— Ну что ты, пап, дорос еще как! Дядюшка Чжу, подтверди же! — Дунсуй отчаянно замигал, втягивая в разговор спасительного «громоотвода».

Чжу Цзючжи оказался прекрасным дипломатом. Он ласково приобнял ворчащего супруга за плечи, гася его праведный гнев, и мягко подтвердил:

— Вообще-то, Дунсуй прав. В свое время на съемках «Молодого господина из клана Юань» ты здорово поддержал Е Вана. Он хоть и был тогда совсем зеленым новичком, но добро помнит

отлично. Теперь, оказавшись на одной площадке с твоим сыном, он просто хочет отплатить услугой за услугу. К тому же наш Дунсуй — такой славный мальчик, его невозможно не опекать.

Фан Цзяхуай слушал эти излияния с нарастающим подозрением. Вдруг он нехорошо сощурился и в упор уставился на Чжу Цзючжи:

— Хм-м?

Дядюшка Чжу виновато улыбнулся.

«Эх, малыш, больше я тебе ничем помочь не могу, — мысленно повинился он перед племянником. — Кажется, я только усугубил ситуацию».

Фан Дунсуй почувствовал, как у него дергается глаз.

«Дядюшка, ну вы и загнули... Вам не кажется, что после ваших оправданий наше общение с Е Ваном выглядит еще более двусмысленно?»

Пока все трое пребывали в неловком ступоре, Дунсуй судорожно соображал, как бы половчее перевести тему. К счастью, Фан Цзяхуай сам прервал затянувшуюся паузу и заговорил уже вполне серьезно:

— Ладно. Ты поехал туда работать и учиться, так что не забивай себе голову глупостями. Е Ван — профессионал высокого класса и человек надежный. Если возникнут трудности с ролью, не стесняйся обращаться к нему за советом.

Дунсуй с облегчением выдохнул:

— Понял, пап.

— Вот и славно. Давай, ложись спать и не засиживайся, — дав последние наставления, Фан Цзяхуай отключился.

Сидевший рядом Чжу Цзючжи с любопытством посмотрел на него:

— А ты...

— Что «я»? — Цзяхуай покосился на него. — Думал, я запрещаю ему общаться с Е Ваном?

Чжу Цзючжи молча кивнул.

Честно говоря, со стороны поведение Цзяхуая до боли напоминало поведение суровой свекрови из мыльных опер. Но озвучивать эту мысль вслух Чжу Цзючжи, разумеется, не решился, ограничившись поспешным кивком.

Фан Цзяхуай устало вздохнул:

— Да я просто спросил для порядка, а вы двое уже развели тут шекспировские драмы на пустом месте.

— Но когда ты хмуришься, это действительно выглядит пугающе, — тихо заметил Чжу Цзючжи.

Фан Цзяхуай на секунду лишился дара речи, а затем возмущенно упер руки в бока:

— Нашему сыну пробивать дорогу в шоу-бизнесе. Если рядом окажется такой опытный наставник, как Е Ван, ему же будет легче! К тому же у них совершенно разные характеры, они друг другу просто не подходят. Так что выбрось из головы свои романтические фантазии, хорошо, Лао Чжу?

Чжу Цзючжи мягко улыбнулся, не сводя с него восхищенного взгляда:

— Но даже когда злишься, ты ужасно милый.

До Фан Цзяхуая не сразу дошел смысл сказанного, а когда дошел, его щеки мгновенно залил густой румянец. Сердито зыркнув на мужа, он поднялся с ковра и поспешил скрыться в спальне, бурча под нос:

— Вечно ты невпопад...

Чжу Цзючжи с нежной улыбкой последовал за ним.

Дверь спальни захлопнулась. После разлуки чувства вспыхнули с новой силой, и лишь когда первая буря улеглась, Чжу Цзючжи внезапно кое-что вспомнил. Притянув супруга поближе, он заговорщически прошептал ему на ухо:

— Цзяхуай, кстати... Ты в последнее время часом не увлекся гороскопами или гаданием по бацзы?

Фан Цзяхуай от ярости и смущения вспыхнул до корней волос:

— Пошел к черту!

Но выплеснуть обиду до конца не удалось. Резко повернувшись на бок, он с головой завернулся в одеяло, превратившись в неприступный кокон, и всем своим видом приказал наглецу убираться восвояси.

<http://bllate.org/book/18316/1960694>